

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 94(571.1/.5)"15/16"

П.С. ИГНАТКИН**СОБИРАТЕЛЬНО-ОБОБЩАЮЩИЕ НАЗВАНИЯ АБОРИГЕНОВ
СИБИРИ В РУССКОМ КОММУНИКАТИВНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ XVI–XVII ВВ. ***

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: ignatkin-87@mail.ru

Статья посвящена изучению собираательно-обобщающих названий аборигенов Сибири, употреблявшихся в Московском государстве XVI–XVII вв. Выявленные в источниках слова и словосочетания, служившие этим целям, классифицируются на геонимы, соционимы и этнонимы.

Ключевые слова: собираательно-обобщающие названия, Сибирь, русско-аборигенные отношения, XVI–XVII вв.

Превращение России в централизованную державу в конце XV в. повлекло за собой ее политическое усиление и активизацию внешней политики, что в свою очередь привело к необходимости политической, социально-экономической и культурной идентификации окружавших ее стран и народов, в частности аборигенного населения, проживавшего в Сибирском регионе. Задача интеграции образов коренных народов Зауралья была интенсифицирована в ходе продвижения русских на Восток. В результате присоединения Сибири к России, начавшегося в конце XVI в. в подданство русскому царю было приведено большое количество аборигенных разноэтничных групп населения, проживавшего там. Все это не могло не заставить правительство, а также землепроходцев начать применять собираательно-обобщающие названия для их обозначения. Любое обобщающее название является продуктом логического мышления и абстрагирования, в связи с чем обращение именно к таким наименованиям позволяет значительно глубже понять принципы восприятия «сибирских иноземцев» в Московской Руси, нежели просто анализ описания их конкретных образов. Поэтому выявление и изучение обобщающих названий, а также уяснение механизма их возникновения представляется весьма важным и

---

* *Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00027.*

актуальным для реконструкции представлений населения Московского государства XVI–XVII вв. о территории и населении Северной Азии.

Обозначенная нами тема до сих пор остается почти не изученной, а все наблюдения, связанные с ней, носят чрезвычайно лаконичный и фрагментарный характер. Отдельные из ее аспектов были затронуты уже исследователями XVIII и XIX вв. Анализ историографии свидетельствует о том, что Г.Ф. Миллер, И.Э. Фишер, П.А. Словцов, С.М. Соловьев, Н.Н. Фирсов и некоторые другие историки ясно осознавали, хотя четко это и не проговаривали, что соционим «ясачные люди» широко использовался в русском языке для совокупного обозначения аборигенов Сибири, подчиненных Москве. Ими же отмечен и тот факт, что подобным образом русскими употреблялся и этноним «татары». Однако принципы и закономерности их употребления обозначены не были.

В XX в. целым рядом историков и этнографов (исследования З.Я. Бояршиновой, Б.О. Долгих, Н.А. Томилова и др.) была проделана огромная работа по идентификации аборигенных этносов Сибири и их родоплеменных групп, скрывавшихся за многочисленными названиями (в частности и собирательно-обобщающими), применявшимися в русских источниках XVI–XVII вв. Несмотря на то, что эти исследователи перед собой не ставили специальной задачи по изучению обобщающих названий автохтонов Сибири, без привлечения этнографических данных, собранных и накопленных ими, было бы очень сложно, а иногда просто невозможно правильно проинтерпретировать многие интересующие нас сведения, содержащиеся в письменных источниках. Относительно же обобщающих названий исследователи советского и постсоветского времени в основном ограничивались лаконичными высказываниями. К примеру, Г. Ф. Благова указала, что, уже начиная с XIII в., слово «татары» в русском языке выполняло роль обобщающего наименования для целого ряда тюркских и монгольских народов [1, с. 14]. Г.И. Пелих тоже самое заметила в отношении тюркского населения Томско-Чулымского Приобья XVII в. [2, с. 11]. В.М. Кимеев отметил, что собирательным маркером населения верховьев Томи в русских документах XVII–XVIII вв. являлось название «кузнецы», «кузнецкие ясачные люди», «кузнецкие татары» [3, с. 42]. Более же глубокие наблюдения и теоретические обобщения в этом направлении не осуществлялись.

Определенный историографический сдвиг в изучении отдельных аспектов обозначенной темы произошел только в конце XX – начале XXI в., когда в сферу интересов значительного числа как отечественных (Е.П. Ковалышкина, М.А. Демин, А.С. Зуев, С.В. Соколовский и др.), так и зарубежных (Ю. Слезкин, М. Ходарковски, В. Кивельсон) исследователей вошло изучение значений и употреблений отдельных слов и словосочетаний,

применявшихся в русском социально-политическом дискурсе XVI–XVII вв. для обозначения индигенного населения Сибири. Однако собираательно-обобщающие названия также не стали отдельным предметом их изучения. Исключением является лишь соционим «иноземцы»: в историографии уже неоднократно поднимался вопрос о времени его бытования и его семантике применительно к аборигенам Сибири. Но поскольку данный соционим в силу своей универсальности и большой распространенности заслуживает отдельного серьезного изучения, в данной статье он анализироваться не будет. Отметим только, что в «сибирском» варианте он был введен в оборот во второй половине XVI в. и активно употреблялся в русском делопроизводстве на протяжении всего XVII в. Для того, чтобы сфокусировать внимание на ключевых проблемах, оставим также в стороне и такой широко распространенный соционим как «ясачные», применявшийся по отношению к коренным народам Сибири с конца XVI в. Заметим, что по нормам его употребления исследования то же почти отсутствуют.

Отдельные способы классификаций индигенных народов Сибири, применявшихся в Московской Руси, были также осмыслены М.А. Дёминым, изучившим образ аборигенов Сибири в восприятии русского населения, начиная с древнерусской эпохи. По его наблюдениям, в XVI–XVII вв., как и в более ранний период, для обозначений коренных сибирских народов в источниках преобладали конкретные названия автохтонных этносоциумов. Иногда аборигенов Сибири обозначали также «языцами» («языками») и изредка «иноверцами». Однако чаще всего, по совершенно справедливой оценке М.А. Дёмина, по отношению к ним использовался термин «люди», обладавший универсальным характером и широкой вариативностью применения. Как отмечено автором, он употреблялся в сопряжении с названиями этнической или территориальной принадлежности («чатцкие люди», «матцкие люди», «кузнецкие люди», «колмацкие люди», «братцкие люди», «тунгусы многие люди»), социального статуса («служилые люди», «лучшие люди»), образа жизни и хозяйственного уклада («кочевные люди», «сидячие люди», «пешие и оленные люди»), а чаще с определениями того функционального назначения, с которым связывали российские власти сибирских аборигенов («ясачные/ясашные люди»). В единственном числе вместо «люди» слово «человек» использовалось редко [4, с. 101–102].

Д.М. Исхаковым было обращено внимание на такую редкую речевую форму в политическом языке Московского государства как «сибирские люди». По его мнению, данный оборот являлся политонимом и обозначал татарскую общность Сибирского ханства [5, с. 124; 6, с. 12; 7, с. 53]. К сказанному следует добавить, что изучение эволюции значения данного политонима свидетельствует о серьезнейшем семантическом сдвиге, про-

изошедшем в содержании данного слова в конце XVI в. и почти аннулировавшем его первоначальное значение.

Несмотря на позитивные сдвиги, произошедшие в последние десятилетия в раскрытии темы, исследователями зачастую не уделяется должное внимание к хронологии и значению лексики, встречающейся в источниках. К примеру, по замечанию Н.А. Томилова, русские с самого начала присоединения Сибири к местному тюркоязычному населению прикрепили обобщающий этноним «татары» [8, с. 170, 171; 9, с. 36; 10, с. 45], одновременно обозначая их «ясачными», «инородцами», а иртышско-тобольских татар еще и «агарянами» [8, с. 170, 171]. Однако слово «агаряне» имело книжное происхождение и употреблялось преимущественно в литературных произведениях. Согласно источникам, данный эпитет был прикреплен аборигенам Сибири не непосредственными участниками «сибирского взятия» – казаками и воеводами, а авторами сибирских летописей, которые начали появляться только с 1620-х годов. В делопроизводственных документах конца XVI – XVII в. слово «агаряне» не употреблялось. Соционим же «инородцы» в целом не был типичен для XVII в.

По мнению С. В. Соколовского, уже с конца XVI в. русские употребляли по отношению к аборигенам Сибири определения «туземцы» и «инородцы» [11, с. 58, 61; 12, с. 74, 76; 13, с. 46], что не соответствует реальности. Согласно источникам, слово «туземцы», также как и уже упоминавшееся «инородцы» было характерно для XVIII и XIX вв. и не зафиксировано в период начальной колонизации Сибири.

Более конструктивные замечания по изучаемой теме нам неизвестны. Таким образом, несмотря на всю важность изучения обобщающих названий для обозначения аборигенов Сибири, их количество, хронология, семантика и нормы словоупотребления до сих пор остаются почти невыясненными.

В цели данной статьи входит выявление собирательно-обобщающих названий, выработанных в Московской Руси XVI–XVII вв. для обозначения коренных народов Сибири, изучение их хронологии, значений, контекстов употребления и способов создания. Все это позволит увидеть, как в целом воспринимался образ аборигенов Сибири в Русском государстве в данное время, а также поможет проследить процесс его формирования.

Как отмечают исследователи, русские очень длительное время, начиная с первых описаний аборигенов Сибири, обозначали их преимущественно конкретными этническими названиями и лишь изредка использовали такие неопределенные термины как «люди», «языцы», «человецы незнаемые». Известия о народах Зауралья проникали в русские письменные источники неравномерно. Впервые коренные народы Сибири (югра и самоеды) упомянуты в известном рассказе новгородца Гюряты Роговича, зафиксированном в летописи

под 1096 г.: «Югра же людье есть язык нем и сеять с Самоядью на полуночных странах»¹. Этноним «вагуличи» впервые был употреблен в XIV в. [14, с. 56]. С конца XV в. в источниках появляется этноним «тюменские татары»². Этноним «остяки» фиксируется только с XVI в. [14, с. 57]. Выражение «татарин сибирской» встречено нами в правительственной грамоте 1570 г.³

Во второй половине XVI в. в московском делопроизводстве в процессе активизации русско-сибирских отношений и реализации «сибирской политики» Ивана Грозного появляются и распространяются такие новые названия как «сибирские люди» и «сибирцы». Изучение летописных и делопроизводственных материалов позволяет утверждать, что они начали входить в оборот примерно с 1550-х годов. Отметим, что если словосочетание «сибирские люди» уже становилось предметом интересов отдельных исследователей (см. выше), то на лексему «сибирцы» историки не обращали внимание.

То, что обороты «сибирские люди» и «сибирцы» изначально являлись политонимами, не вызывает сомнения. Это подтверждается всеми наиболее ранними контекстами их употребления. Впервые словосочетание «сибирские люди» появляется в Никоновской летописи в статьях за 1555 и 1564 гг.: там ими названы люди «сибирского князя Едигера»⁴. То же самое читаем и в царской жалованной грамоте, выданной в 1564 г. Г. Строганову, в которой говорится об опасности, исходящей от «сибирского салтана» и его «сибирских людей»⁵. Прямая связь «сибирских людей» с «сибирским царем Кучумом» отмечена и в грамоте 1570 г.⁶. Словом-эквивалентом, заменявшим в данное время оборот «сибирские люди» являлось слово «сибирцы». Но согласно источникам, оно употреблялось гораздо реже. Один из наиболее ранних случаев его фиксации и замены им словосочетания «сибирские люди» обнаружен нами в царской жалованной грамоте Строгановым от 1574 г., предписывавшей оберегать «данных остяков и вогуличей и югричей» от «сибирцев»⁷. О том, что «сибирские люди» – политоним, обозначавший определенные группы населения, входившего в состав Сибирского юрта (ханства), также свидетельствует то, что в очередной царской грамоте Строгановым, относящейся к 1582 г. «сибир-

¹ *Лаврентьевская летопись* // ПСРЛ. Т. I. М., 2001. Стб. 235.

² *Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв.* // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 95.

³ РГАДА. Ф. 131. Оп. 2. № 2. Л. 1.

⁴ *Летописный сборник*, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. // ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. СПб., 1904. С. 248; *Летописный сборник*, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. // ПСРЛ. Т. 13. 2-я половина. СПб., 1906. С. 370.

⁵ *Дополнения к актам историческим*. СПб., 1846. Т. 1. № 117. С. 170, 171.

⁶ РГАДА. Ф. 131. Оп. 2. № 2. Л. 1.

⁷ *Миллер* Г. Ф. *История Сибири*. М., 1999. Т. 1. № 5. С. 333, 334.

ские люди» названы отдельно от «пелынцеv» и «вогуличей». Примечательно, что в этой же грамоте эквивалентом словосочетания «сибирские люди» выступает оборот «Сибирского салтана люди»⁸. Это является дополнительным подтверждением его политического содержания.

Учитывая тот факт, что Сибирский юрт являлся полиэтничным образованием, включавшим в свой состав самые разнообразные лесостепные и лесные этносы Западной Сибири, нельзя исключать, что под «сибирскими людьми» и «сибирцами» (даже несмотря на то, что в источниках они фигурируют отдельно от других аборигенов Западной Сибири) могли подразумеваться не только сибирские татары, но и другие этносы, подчиненные Сибирскому юрту.

Семантический сдвиг в содержании оборотов «сибирские люди» и «сибирцы», в результате которого их значение претерпело значительную трансформацию, был связан с завоеванием Московской Русью «Сибирского царства» в 1580-е гг. Достаточно быстро данные обороты стали использоваться не только для обозначения сибирских татар или населения бывшего Сибирского юрта, но и для наименования других аборигенов Западной Сибири, по сути, превратившись в геонимы. Интересно, что слово «сибирцы» в своем новом значении, также как и в предыдущее время, в значении политонима использовалось заметно реже, чем словосочетание «сибирские люди».

Не исключено, что уже в правительственном наказе 1585 г. (т. е. еще в ходе «сибирского взятия») русским послам, отправленным в Швецию, под фигурировавшими в нем «сибирскими людьми», с которых «дань емлют»⁹, подразумевались не только «кучумовичи», но, возможно, и другие аборигены Западной Сибири. На это намекает то, что к этому времени русские успели объяснить и те народы, которые не входили в состав Сибирского ханства.

Однако однозначно утверждать о семантическом преобразовании оборотов «сибирские люди» и «сибирцы» можно только с самого конца XVI в. Так, в царских грамотах в Верхотурье (1599 г.)¹⁰, в Пелым (1600 г.)¹¹ и в Томск (1606, 1608 гг.)¹² «сибирскими людьми»/«сибирскими всякими людьми» было поименовано соответственно все аборигенное население Верхотурского, Пелымского (тюрки и угры) и Томского уездов (тюрки, самодийцы). Примечательно, что в пелымской грамоте в аналогичном значении было

⁸ Дополнения к актам историческим. СПб., 1846. Т. 1. № 128. С. 184, 185.

⁹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством. СПб., 1910. Т. 1. С. 415.

¹⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. № 31. С. 372, 373.

¹¹ Там же. № 39. С. 383.

¹² Бояршинова З. Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Томск, 1953. Сб. 3. Приложение. С. 46, 48.

употреблено и словосочетание «сибирские ясачные люди», являвшееся своего рода модификацией оборота «сибирские люди». В 1600 г. в царской грамоте, отправленной в Тюмень «сибирскими людьми» было названо и население «Епанчина юрта» (по мнению исследователей состоявшее из сибирских татар [8, с. 32]), находившегося в Тюменском уезде, а также окружавшее его тюркско-угорское население¹³. В наказах же русским послам, делегированным в Персию в 1616 и 1618 г., автохтонов Сибири следовало репрезентировать равнозначными по своим значениям словосочетаниями: «тамошние люди сибирцы» и «сибирские люди»¹⁴.

Согласно источникам, в своем старом значении оборот «сибирские люди» употреблялся только в тех случаях, когда в документах речь шла о времени, когда Сибирский юрт еще существовал. К примеру, в наказе 1613 г. русским послам, отправленным в Англию, в случае вопроса английского правительства о Сибири предписывалось сообщить про исконные права России на Сибирь и о победе над «поотступившими» «сибирскими людьми» «сибирского Кучюма царя»¹⁵.

Все проанализированные источники, содержащие эти обобщающие названия для обозначения, как населения Сибирского юрта, так и в целом аборигенов Сибири в конце XVI – начале XVII в., были созданы в центральном аппарате власти и использовались исключительно в правительственном дискурсе. Московские администраторы, выработав в середине XVI в. формулы «сибирские люди» и «сибирцы» для идентификации жителей Сибирского юрта, использовали стандартную для русского языка схему образования обобщающего наименования населения определенных территорий от названия местности или страны, в которой они проживали. В данном случае это было «Сибирское государство». Конверсия политонимов «сибирские люди» и «сибирцы» в 1590-е гг. в совокупное обозначение коренного населения Западной Сибири, скорее всего, была вызвана тем, что большое количество разноэтничных народов, присоединенных к России, требовалось неким образом каталогизировать и классифицировать. С другой стороны, нельзя не заметить, что география применения оборотов «сибирские люди» и «сибирцы» в своем расширительном значении в целом очерчивала границы бывшего Сибирского юрта.

Превращение указанных политонимов в собирательные слова для наименования сибирских аборигенов, возможно, было также обусловлено тем, что в ходе присоединения Сибири шел процесс диффузии географического понятия «Сибирь»: из обозначения «Сибирского царства» со столицей, находив-

¹³ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. № 33. С. 375.

¹⁴ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: В 3-х тт. СПб., 1898. Т. 3. С. 226, 352.

¹⁵ Посольская книга по связям России с Англией. 1613–1614 гг. М., 1979. С. 130.

шейся рядом с современным Тобольском, оно стало применяться для наименования всех территорий, расположенных за Уралом [14, с. 147; 15, с. 14].

Аналогичное собирательное значение для наименования аборигенов Сибири имело словосочетание «сибирские земли люди» и производные от него формы. Согласно источникам, они вошли в оборот в начале XVII в. Их появление было обусловлено как уже отмеченной потребностью Русского государства в классификации аборигенных этносоциумов Сибири, так и расширением самого понятия «Сибирская земля». Очень важно, что они, так же как и выражения «сибирские люди», «сибирцы», «сибирские ясажные люди» выявлены исключительно в правительственном лексиконе. Первые прецеденты употребления данных названий зафиксированы в царской грамоте в Туринск в 1601 г., в которой оборот «сибирские земли ясажные люди» заменяется словосочетаниями «сибирские всякие люди» и «Сибирские земли всякие люди»¹⁶. В данном случае все эти словосочетания выполняли роль обобщающих определений для наименования всех коренных народов Западной Сибири, поскольку эта грамота цитировала указ, адресованный всем воеводам и головам сибирских городов. В царском наказе сургутским воеводам Ф. Вольнскому и И. Благому от 1608 г. по отношению к осяжкам и самоедам как взаимозаменяемые употребляются словосочетания «сибирские всякие люди», «Сибирские земли всякие люди», «сибирские земли люди», «человек сибирские земли»¹⁷. Полностью идентичные выражения содержатся также в наказе в Томск от 1606 г. и адресованы местным аборигенам¹⁸.

Понятию «земля» (в его политическом значении) коррелировало слово «государство», которое также использовалось для создания обобщающих названий для обозначения коренных народов Сибири. Так, под конструкцией «Сибирского государства люди», содержащейся в наказе русским послам, отправленным в 1615 г. в Речь Посполитую, судя по контексту, следует подразумевать как русских, так и аборигенов Сибири¹⁹.

Однако все данные обороты применительно к автохтонам Сибири («сибирские люди», «сибирцы», «сибирские земли люди» и др.) довольно быстро перестали применяться: к концу 1610-х гг. они уже вышли из активного словоупотребления. Любопытно, что выражение «сибирские люди» к концу первой четверти XVII в. претерпело еще одну серьезную смысловую транс-

¹⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. № 26. С. 199.

¹⁷ Акты времени правления царя Василия Шуйского (19 мая 1606 – 17 июля 1610). М., 1914. № 108. С. 364–365.

¹⁸ Бояршинова З.Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Томск, 1953. Сб. 3. Приложение. С. 46.

¹⁹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством М., 1913. Т. 5. С. 526.

формацию, связанную с изменением объекта наименования: примерно в это время данным оборотом стали обозначать и русское население Сибири²⁰. Маркировали его и словом «сибирцы»²¹. Словосочетание «сибирские ясачные люди», напротив, в документации употреблялось на протяжении всего XVII в., хотя и относительно редко.

К выделению параметров политической и социально-экономической идентификации коренных народов Сибири в Московском государстве приступили уже в самом начале ее присоединения. Поиски способов выработки новых обобщающих названий как для уже известных автохтонных этносоциумов Сибири, так и для тех, с которыми только начиналось знакомство, приводили центральную и местную власть, а также землепроходцев к мысленному масштабированию территорий Северной Азии с проживавшими там аборигенами, что влекло к отходу от использования конкретных этнических названий коренных народов Сибири в пользу абстрагирования их образов и подталкивало к выделению более общих признаков, объединявших «сибирских иноземцев». Эффективным инструментом создания таких интегрированных названий с одной стороны архивирующих значительный объем информации об аборигенах, а с другой, – способных коротко, сжато и в то же время объемно сообщить о них и дать представление о территории их проживания являлась географическая система координат. Она представляла из себя географическую номенклатуру региона (названия уездов, волостей, городов, рек и т. д.), на территории которого проживали определенные группы аборигенов. Собирательные названия автохтонов, основанные на принципе их описания через географическую привязку к местности, использовались как для обозначения разноэтничных групп коренного населения Сибири, так и для маркирования различных таксономических единиц в рамках одного народа. Названия, построенные на географическом принципе и употребляемые для совокупного описания родоплеменных групп, составляющих один этнос, и собирательные наименования для обозначения разноэтничных групп аборигенов в источниках представлены в одинаковой степени.

Правильное раскодирование этнографической информации, содержащейся в собирательных названиях, построенных на этом принципе, зависит как от знания этнической карты Сибири, минимизирующего возможность совершения ошибок, так и от внимательного прочтения контекста, в котором употреблялось то или иное слово или словосочетание. К примеру, встречающиеся в источниках обороты «туринские ясачные люди» или «тарские

---

²⁰ *Тобольский архиерейский дом в XVII веке*. Новосибирск, 1994. № 21. С. 152; № 88. С. 214.

²¹ *Сибирские летописи*. СПб., 1907. С. 352.

ясачные люди», легко принимаемые за собирательно-обобщающие определения разноэтничных племен, на самом деле являются эквивалентами этнических названий туринских и тарских татар. Дело в том, что аборигенное население Туринского и Тарского уездов почти полностью состояло из них. Подобные примеры, когда собирательные наименования аборигенов Сибири, принадлежавших к одному этносу, легко можно принять за форму обозначения нескольких разноэтничных групп населения, можно продолжить. В данном случае нас будут интересовать оба варианта такого номинирования.

Подчеркнем, что в основном подобного рода обобщающие названия для обозначения аборигенов Сибири употреблялись не в дискурсе казаков-землепроходцев, оперировавших преимущественно конкретными этническими наименованиями коренных народов Сибири и их социально-хозяйственными характеристиками, а в языке правительственных документов. Это объясняется тем, что потребность в обобщении, когда нужно было уходить от частных и выделять общее, чаще всего возникала именно у центральных и местных властей в целях оптимизации управленческих функций, вынужденных оперировать более крупными мыслительными категориями.

Учитывая то, что селькупское население преобладало в этническом составе Нарымского уезда (на протяжении всего времени его существования и после всех изменений его границ) [16, с. 87; 17, с. 94–95, 97; 18, с. 28; 2, с. 13], а в Сургуцком уезде проживало смешанное население (остяки, селькупы, кеты) [16, с. 78] под оборотами «обские люди» (1605 г.)²², «Пегие орды Нерымских волостей ясачные люди» (1610 г.)²³, «нарымские ясачные люди» (1611 г.)²⁴ следует видеть селькупов, а в словосочетаниях «Сургуцкого уезду ясачные люди» и «Сургуцкого уезду всех волостей ясачные люди» (1645 г.)²⁵ – остяков, селькупов и кетов.

Принимая во внимание тот факт, что селькупы также занимали бассейн Нижней и Средней Кети, а ее верховья – пумпокольцы (скорее всего, кетоязычное племя) [16, с. 92, 188], оба этих этноса следует идентифицировать в оборотах «все Кетские верхних и иных волостей лутчие и молотчие люди» (1605 г.)²⁶, «кетские ясашные люди» (1617 г.)²⁷, «Кетцкого уезду ясачные люди» (1634/35 г.)²⁸.

Кеты и тунгусы бассейна Среднего Енисея, а также приангарские буряты,

²² Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. № 58. С. 406.

²³ Там же. № 73. С. 422.

²⁴ Там же. № 79. С. 428.

²⁵ Там же. М., 2000. Т. 2. № 424. С. 581.

²⁶ Там же. М., 1999. Т. 1. № 58. С. 406.

²⁷ Там же. М., 2000. Т. 2. № 129. С. 282.

²⁸ Там же. М., 1999. Т. 1. № 102. С. 449.

входившие в состав Енисейского уезда на протяжении всего XVII в. [16, с. 219–220] обозначались выражениями «Енисейского острогу твои государевы ясашные люди» (1629 г.)²⁹, «все наши ясачные люди Енисейского острогу» (1629 г.)³⁰, «енисейские ясачные люди» (1638 г.)³¹, 1673 г.³²).

Разнородные группы тюркского населения Сибири³³ скрывались под обобщающими названиями «государевы ясашные люди кузнецкие волости» (1611 г.)³⁴ и «кузнецких волостей люди» (1618 г.)³⁵, «окраинские татарова» (1630 г.)³⁶, «татары Тюменсково и Туринсково уезду» (1630 г.)³⁷, «Тарского уезда коурдацкие и иных волостей твои государевы ясашные люди», «тарские ясашные люди» (1631 г.)³⁸, «Тюменского уезду ясашные люди» (1633 г.)³⁹.

Разнообразные тюркские и самодийские группы населения (моторы, точи, тубинцы, саяны и др.), проживавшие на территории Красноярского уезда, кодировались в выражениях «красноярские ясачные люди», «государевы красноярские ясачные люди» (1639 г.)⁴⁰, «твои государевы красноярские ясашные люди» (1657 г.)⁴¹. Вместе с тюркским населением Кузнецкого уезда они обозначались фразой «Красноярского и Кузнецкого уезду наши ясачные люди» (1657 г.)⁴².

Смешенное тюркско-угорское население было маркировано оборотами

---

²⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. № 6. С. 135.

³⁰ Там же. № 10. С. 144.

³¹ Иванов В.Н. Вхождение Северо-Восточной Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. Приложение. С. 175.

³² *Международные отношения* в Центральной Азии XVII–XVIII вв. Документы и материалы. М., 1989. Кн. 1. № 50. С. 160.

³³ О расселении тюрков в Западной Сибири, см.: Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск, 1992; Валева Ф. Т., Томилов Н. А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996; *Тюркские народы Сибири*. М., 2006.

³⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. № 99. С. 259.

³⁵ Там же. М., 1999. Т. 1. № 96. С. 444.

³⁶ Там же. М., 2000. Т. 2. № 274. С. 424.

³⁷ Там же. № 276. С. 427.

³⁸ Там же. № 292. С. 445.

³⁹ *Тобольск*. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. № 3. С. 29.

⁴⁰ *Русско-монгольские отношения*. 1636–1654. Сб. документов. М., 1974. № 41. С. 187.

⁴¹ *Русско-монгольские отношения*. 1654–1685. Сб. документов. М., 1996. № 11. С. 35.

⁴² Там же. № 16. С. 48.

«Конды Большие и Меньшие ясачные люди» (1608 г.)⁴³, «Пелымского уезда и Конды Большие и Меньшие ясачные татарове и вогуличи» (1609 г.)⁴⁴, тюркско-селькупские родоплеменные группы обозначены как «всего Томского уезду татарове и остяки» (1610 г.)⁴⁵, а тюркско-угро-самодийское население обобщено формулами «тобольские и сургуцкие и березовские ясачные люди» (1645 г.), «березовские, и Томского города, и острогов ясачные люди» (1645 г.)⁴⁶.

Названия бурятских и тунгусских родов, проживавших в верховьях Лены, в отписке иркутского письменного головы А. Горчакова были трансформированы в «ясачных верхоленских великих государей людей» (1685 г.)⁴⁷.

Основание новых городов позволяло «переводить» подведомственное аборигенное население, проживавшее поблизости в разряд «подгородных» (факт уже отмеченный исследователями, но не конкретизированный примерами). На пример, после основания Красноярска в 1628 г. в источниках появился ряд обобщающих названий для местного кетского (аринцы) и тюркского (качинцы) [19, с. 65, 73; 16, с. 228, 232] населения, в состав которых входили лексемы «город» и «Красноярск». Можно сослаться на такие выражения, как: «твои государевы подгородные ясачные люди аринцы да качинцы» (1630 г.)⁴⁸, «ясачные подгородные татары» (1634 г.)⁴⁹, «красноярские подгородные татара, аринцы да качинцы» (1634 г.)⁵⁰, «татарове подгородные» (1636 г.)⁵¹ «красноярские татара подгородные» (1657 г.)⁵² и др.

К обобщающим названиям, покрывающим названия нескольких этносов, также следует отнести обороты «ленские ясачные люди» (1638 г.)⁵³,

⁴³ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. № 73. С. 241.

⁴⁴ Там же. № 86. С. 251.

⁴⁵ *Смутное время* Московского государства 1604–1613 гг. Вып. 3. Акты времени междоусобицы (1610 г. 17 июля – 1613 г.). М., 1915. № 5. С. 4.

⁴⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. № 424. С. 580, 585.

⁴⁷ *Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сб. документов.* М., 1996. № 236. С. 439.

⁴⁸ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. № 283. С. 436.

⁴⁹ Там же. № 329. С. 482.

⁵⁰ Там же. № 335. С. 487.

⁵¹ *Город у Красного Яра. Документы и материалы по истории Красноярска XVII–XVIII вв.* Красноярск, 1981. № 10. С. 42.

⁵² *Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сб. документов.* М., 1996. № 11. С. 37.

⁵³ Иванов В.Н. Вхождение Северо-Восточной Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. Приложение. С. 183.

1683 г.⁵⁴), «Ленских и иных тамошних землиц люди» (1638 г.)⁵⁵, в которых следует видеть как тунгусское, так и якутское население Восточной Сибири.

Подчеркнем, что мы не задавались в данной статье целью выявить и привести все имеющиеся в источниках обобщающие названия для автохтонов Сибири, образованные при помощи географической номенклатуры и практиковавшиеся в изучаемый период – это бы излишне перегрузило ее фактическим однотипным материалом. Приведенные примеры и их теоретическое осмысление в достаточной мере способны продемонстрировать способы конструирования абстрактного образа аборигенов Сибири в Московском государстве и формы его восприятия. Отметим, что по мере присоединения и объясачивания новых народов Сибири увеличивалось также и количество обобщающих выражений для их обозначения.

К способу концептуализации этнически мозаичных образов аборигенов Сибири относилось также обозначение их этнонимом «татары». Данному слову, имевшему очень широкий диапазон значений (оно выступало как этноним, соционим, конфессионим), посвящена обширная литература. Впервые этноним «татары» появился у тюркских и монгольских племен Центральной Азии в VI–VIII вв. К XIII в. объединения татар оказались в составе Монгольского государства во главе с Чингисханом и участвовали в его завоевательных походах. В XIII–XIV вв. название «татары» распространилось на некоторые тюркоязычные народы Евразии (в первую очередь на кипчаков, численно преобладавших в Золотой Орде), поскольку оно являлось символом знатности и могущества, употреблялось для обозначения военно-служилого сословия, составлявшего элиту общества. Этим можно объяснить то, что в период средневековья слово «татары» в качестве экзоэтнонима использовалось на Руси, в Европе и в мусульманских странах для обозначения всего населения Золотой Орды [20, с. 6, 7, 10; 21, с. 42; 22, с. 9–10].

В русском языке слово «татарин» впервые зафиксировано в летописях под 1223 г. при описании первого русско-монгольского военного столкновения на Калке⁵⁶. Применительно к аборигенам Сибири этноним «татары» в русских источниках стал использоваться с конца XV в.: им обозначали тюркское население Тюменского, а затем и Сибирского юртов. Какими соображениями при этом руководствовались в Московской Руси, не понятно: либо слово «татары» было самоназванием каких-то групп тюркского населения

---

⁵⁴ *Колониальная политика* Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936. № 35. С. 73.

⁵⁵ Иванов В.Н. Вхождение Северо-Восточной Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. Приложение. С. 176.

⁵⁶ *Лаврентьевская летопись* // ПСРЛ. Т. I. М., 2001. Стб. 445.

Зауралья и русские его просто переняли, либо же они воспользовались аналогичным названием, бытовавшим у других народов (к примеру, у поволжских татар) и перенесли его на тюрок Сибири. Может быть, в выборе названия сыграло роль и то, что Тюменский и Сибирский юрт являлись осколками Золотой Орды, и к ним по нормам того времени было применимо понятие «татарь». По крайней мере, в историографии данная ситуация никак не объясняется.

Однако исследователи, которые затрагивают вопрос о распространении этнонима «татарь» на тюркское население Сибири в более позднее время – в ходе ее присоединения к России – отмечают, что он однозначно не являлся их самоназванием, а был воспринят и закреплен за ними только под русским влиянием [8, с. 171; 9, с. 36; 10, с. 45]. Из всего сказанного складывается впечатление, что, по всей видимости, у западносибирских тюрок самоназвание «татарь» изначально отсутствовало и было прикреплено к ним русскими. В ходе начавшейся колонизации Сибири в конце XVI – начале XVII в. русскими из тюркского населения Западной Сибири было вычленено и «сформировано» большое количество «разновидностей» татар: тобольские, тюменские, тарские, барабинские, томские, кузнецкие и др. Факт диффузии этнонима «татарь» можно объяснить только тем, что в представлении русских родственное тюркоязычное население являлось «татарами». Соответственно, данное слово выполняло роль собирательно-обобщающего определения для обозначения некоторых аборигенных групп населения Сибири.

Имеются случаи его прикрепления и к неизвестным или малоизвестным сибирским народам. К примеру, И. Петлин в своей «Росписи», составленной в 1619 г., упоминает встреченного им в Китае «брацкого тотарина Куштাকা» (в другой редакции – «братского мужика тотарина Куштука»), сообщившего ему сведения о Приамурье⁵⁷. Этническая принадлежность Куштука дискуссионна: непонятно, что Петлин подразумевал под этнонимом «брацкий». Возможно, под этим названием скрывался представитель одного из тунгусских племен [23, с. 533, прим. 33]. В данном случае привлекает совершенно другое – то, что Петлин представителя, скорее всего, ему неизвестного этноса обозначил помимо прочего и «тотарином». Этот факт демонстрирует, что в представлениях Петлина – рядового казака-землепроходца этноним «татарь» играл роль слова-обобщения для обозначения народов Северной Азии, о которых достоверная информация у него отсутствовала.

Кроме этого, имеется целый ряд фактов, свидетельствующих о том, что этноним «татары» на протяжении всего XVII в. в Московской Руси прикрепляли также и к тем народам, у которых уже существовали свои названия,

---

⁵⁷ *Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы в двух томах.* М., 1969. Т. 1. № 26. С. 84, 90.

хорошо известные русским. В основном данное этническое название употребляли по отношению к тюрко- и монголоязычному населению, хотя иногда его применяли и к представителям совершенно других языковых семей и культур. Так, в расспросных речах «лабы тархана» – посла Алтын-хана, ведшихся в Москве в 1620 г. служащими Посольского приказа было употреблено выражение «два татарина кыргизцы»⁵⁸ – это, несмотря на то, что самостоятельный этноним «киргизы» к этому времени был уже давно известен русским. В статейном списке Д. Агаркова 1634/35 г., написанном после возвращения из посольства в Монголию, а также в выписке, созданной в 1646 г. в Посольском приказе по его челобитным, зафиксирован такой уникальный оборот как «Енисейского острогу тунгуские тотары»⁵⁹. Обращает на себя внимание, что это словосочетание являлось переводом со слов «табунов» «Алтына-царя», требовавших возвращения этого и некоторых других народов «мунгальскому» правителю на праве кыштымства. Данное обозначение диссонирует со всеми другими упоминаниями тунгусов, фигурировавших без уточнения «тотары». В челобитной же, составленной красноярцами в 1667 г. сообщается о «братцких татарах»⁶⁰, под которыми имелись в виду буряты. Примечательно, что и такой образованный человек как М. Спафарий, возглавивший в 1675 г. русское посольство в Китай, называл маньчжур «бугдыхановыми татарами» и «китайскими татаровьми»⁶¹. Из всего этого следует, что употребление этнонима «татары» в качестве собирательного названия разноэтничных народов Сибири было распространено в самых широких слоях русского общества. Впрочем, не следует забывать, что в это же время в Западной Европе оно также служило словом для обобщающего обозначения различных тюркских и монгольских народов.

Анализ полученных фактов свидетельствует о наличии в сознании русских людей XVI–XVII вв. представления о «татарах» как о различных (но не всех) представителях азиатских стран, а также о возможности его употребления по отношению к разным племенам Сибири. Складывается впечатление, что этноним «татары» в русском языке выполнял роль названия высшей таксономической общности, в состав которой входили весьма разнообразные этносы Северной Азии. Принцип, по которому происходил этот

⁵⁸ *Русско-монгольские отношения. 1607–1636*. Сб. документов. М., 1959. № 40. С. 92.

⁵⁹ *Русско-монгольские отношения. 1607–1636*. Сб. документов. М., 1959. № 103. С. 220; *Русско-монгольские отношения. 1636–1654*. Сб. документов. М., 1974. № 86. С. 279.

⁶⁰ *Русско-монгольские отношения. 1654–1685*. Сб. документов. М., 1996. № 85. С. 178.

⁶¹ *Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы в двух томах*. М., 1969. Т. 1. № 195. С. 473.

отбор, не совсем ясен. Скорее всего, общими чертами, которыми обладали эти народы с точки зрения русских, являлась их культура и язык, а, возможно, и общность исторических судеб, известная русским. При всем этом, русские, согласно источникам, прикрепляли данный этноним весьма избирательно: в основном к тюрко- и монголоязычному населению Южной Сибири. Любопытно, но из документов нам неизвестен ни один пример употребления слова «татары» к якутам – также представителям тюркского мира, но проживавшим в изоляции от основного ареала их обитания. Зато упомянуты «тунгусские татары» – в отличие от тюрков племена совсем другой языковой группы и иного хозяйственного уклада. Все эти факты требуют более детального изучения.

Таким образом, в конце XVI – начале XVII в. – уже в самом начале русской колонизации Сибири Московское государство обладало самым разнообразным набором классификаций для упорядочивания и иерархизации новоприосвоенных территорий и населявших их народов. С одной стороны, Москва пользовалась наработанным опытом восприятия и обобщения образов представителей неславянских народов, накопленным за предшествующие столетия, с другой стороны, – по мере освоения Северной Азии, ею создавались новые средства классификации новой информации. Потребность в собирательных названиях для обозначения аборигенов Сибири объяснялась самой потребностью человеческого мышления в необходимости обобщить, упорядочить и сжать информацию, тем самым сделать ее как более доступной для восприятия, так и более удобной для оперирования при составлении и ведении документации.

С первых шагов колонизации Сибири русские приступили к адаптации ее социокультурного пространства и занялись выделением параметров его описания. Полученные факты свидетельствуют о том, что основными инструментами концептуализации образов «сибирских иноземцев» служили геонимы, соционимы и этнонимы. Так, политонимы «сибирские люди» и «сибирцы», использовавшиеся во второй половине XVI в. для обозначения тюркского населения Сибирского юрта и, вероятно, всего его многоэтничного населения, к концу столетия – почти вскоре после его разгрома Ермаком, перейдя в значение геонимов, стали применяться в пределах Западной Сибири для обобщающего названия целого ряда ее коренных народов. Но употреблялись они относительно редко, а к концу первой четверти XVII в. вообще вышли из активного оборота. Значительное распространение получили обобщающие названия аборигенов Сибири, которые конструировались и с помощью иной географической номенклатуры. Широта их использования свидетельствует как о практических потребностях русского правительства и землепроходцев в собирательных названиях коренных народов Сибири, по-

сколько геонимы обеспечивали более быструю локализацию искомым объектам в памяти, так и о развитости пространственного мышления людей, их создававших. Во второй половине XVI в. в русско-сибирский дискурс вводится соционим «иноземцы». С конца XVI в. ко всем аборигенам Сибири, подчиненным России, стал прикрепляться и соционим «ясачные». Обобщающим названием для непокоренных народов служило определение «неясачные». Введение в оборот соционимов диктовалось жесткой иерархической структурой Московского государства. В это же время преимущественно тюркское население Южной Сибири русскими было обозначено «татарами». Время от времени, данный этноним русскими прикреплялся и к другим этносам Северной Азии. Немаловажно, что все указанные способы обобщения начали применяться почти одновременно.

В целом перечисленные обстоятельства свидетельствуют о том, что Московское государство воспринимало аборигенов Сибири через географическую, социальную и культурную систему координат.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Благова Г.Ф.* О русском наименовании тюрков и тюркских языков (композицы и становление тюркской этнонимно-лингвистической терминологии в русском языке) // Советская тюркология. 1973. № 4. С. 11–23.
2. *Пелих Г.И.* Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981. 176 с.
3. *Кимеев В.М.* Шорцы. Кто они? Этнографические очерки. Кемерово, 1989. 189 с.
4. *Дёмин М.А.* Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. СПб., Барнаул, 1995. 197 с.
5. *Исхаков Д.М.* Гл. 5. Этнополитические и демографические процессы в XV–XX веках // Татары. М., 2001. С. 124.
6. *Исхаков Д.М.* О методологических аспектах исследования проблемы становления сибирско-татарской этнической общности // Сибирские татары. Сб. статей. Казань, 2002. С. 7–16.
7. *Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009. 142 с.
8. *Томилов Н.А.* Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск, 1992. 271 с.
9. *Валеев Ф.Т., Томилов Н.А.* Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996. 224 с.
10. *Тюркские народы Сибири.* М., 2006. 678 с.
11. *Соколовский С.В.* Образы «Других»: историческая топология мышления о коренных народах в России // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М., 1998. Вып. 5. С. 57–84.
12. *Соколовский С.В.* Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 74–89.

13. *Соколовский С.В.* Образы других в российской науке, политике и праве. М., 2001. 235 с.
14. *Бояришинова З.Я.* Население Сибири до начала русской колонизации (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). Томск, 1960. 151 с.
15. *Сергеев В.И.* Происхождение и эволюция понятия «Сибирь» (По восточным и европейским источникам) // Актуальные проблемы истории СССР. Сб. трудов. М., 1976. С. 3–17.
16. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. 623 с.
17. *Емельянов Н.Ф.* Этнический и численный состав коренного населения Томского края в XVII – первой половине XIX вв. // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 19. С. 90–107.
18. *Емельянов Н.Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия и повинности). Томск, 1980. 252 с.
19. *Потапов Л.П.* Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан, 1952. 217 с.
20. *Валеев Ф.Т.* Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1992. 208 с.
21. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Гл. 4. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV века // Татары. М., 2001. С. 42.
22. *Этнография* татарского народа. Казань, 2004. 287 с.
23. *Русско-китайские* отношения в XVII веке. Материалы и документы в двух томах. М., 1969. Т. 1. 613 с.

P.S. IGNATKIN

**THE COLLECTIVE-GENERALIZING NAMES OF THE SIBERIAN
ABORIGINAL IN THE RUSSIAN COMMUNICATIVE SPACE OF THE
XVI – XVII CENTURIES.**

The article is devoted to the study of the collective-generalizing names of the Siberian native people, which were used in the Moscow State in the XVI–XVII centuries. According to the revealed in the historical sources the words and phrases the author makes an attempt to classify them on geonyms, socionyms and ethnonyms for the achievement of the research purpose.

Keywords: the collective-generalizing names, Siberia, Russian-aboriginal relations, XVI–XVII centuries.